

И ЭТО – ВСЁ?

Виль Липатов как продукт эпохи

Вообще-то «продукт» – нехорошее слово. Означает «конечный результат». Если задуматься, то распространенный канцеляризм «продукты питания» должен подразумевать не пищу, еду, жратву, провизию, снедь, хлеб наш насущный etc., etc., но, простите за выражение, говно. Учила же нас партия: судите по конечному результату.

Вы можете пить нектар, закусывая его амброзией, равно как и довольствоваться в виде богодарованного счастья пайкою несвежего черного хлеба - итог один. Метаболизм, заложенный в основу химического комбината по имени человеческий организм, выдает всегда одно и то же, неаппетитное, неэстетичное и негигиеничное.

К чему эти меланхолические рассуждения на неприличную тему? А к тому, что о людях судят все-таки не по их гадостям, которых, видит Бог, в каждом из нас предостаточно, но по лучшим и высшим достижениям. И, провожая в последний путь даже откровенного засранца, говорят прощальные речи с перечислением достоинств. Такова жизнь: любой злодей имеет и положительные черты.

Об этом часто забывают, говоря о том или ином конкретном человеке. Предпочитают двоичную систему оценки: плюс – минус, черное – белое...

Промежуточные оттенки – палитра художественных произведений, удел хороших писателей.

Виль Липатов и был хорошим писателем. Во всяком случае, ранние его вещи – рассказы, повести «Глухая мята» и «Деревенский детектив» – в свое время звучали чисто и свежо и сообщали всесоюзному читателю нечто такое, чего он не знал. И не только по принципу географической экзотики...

Приоритеты сменились, и сегодняшние молодые книгочеи могут даже не знать имени Липатова. Смею надеяться, что на каком-то витке истории лучшие его книги все же вернуться к нам. Они того заслуживают. А томичи и могут, и должны гордиться памятью своего земляка. Пока же в нашем городе нет даже улицы его имени.

Я познакомился с Липатовым в конце зимы 1969 года. Если не ошибаюсь, это был последний приезд писателя в Томск: к тому времени Виль Владимирович прочно осел в столице, обрел не только литературное имя, но и довольно прочный общественный статус, став членом редколлегии толстого журнала «Знамя», а также одним из секретарей Союза писателей РСФСР. Не знаю, чувствовал ли он себя корифеем, но то, что выглядел им, совершенно точно. Выступая перед публикой, говорил с некоторой артистической ленцой, на вопросы отвечал толково, но несколько снисходительно. Небрежно отзывался о многих коллегах по писательскому цеху - помню, например, характеристику Василия Аксенова: «Талантливый белоручка. Жизни не нюхал...» Подразумевалось: «...в то время, как мы-то пахали. Или хотя бы нюхали»

Я тогда работал в газете «Молодой ленинец», и мне поручили пригласить знаменитость на встречу с редакционным коллективом. Я перешел улицу и оказался в гостинице «Сибирь», где остановился герой.

В просторном номере было неубрано и, в общем, неряшливо. Липатов возлежал на диване, а в кресле напротив сутулился неприметного вида мужичок. На столике высились несколько бутылок шампанского.

- Знакомьтесь, – сказал мэтр, – Володя Перемитин, мой земляк. Из Тогура. В одном классе учились. Тоже из ссыльной семьи. Только он из кулаков, а я – из ленинцев.

И захохотал.

Володя даже не улыбнулся.

Я объяснил цель своего визита.

- Когда встреча? – спросил Липатов.

- В любое удобное для вас время.

- Тогда подлечусь немного, и пойдем. Подождите, дело недолгое...

Он взял открытую бутылку, морщась, налил стакан, выждал, пока осядет пена, долил еще и залпом выпил. Тут же вскочил и бросился к раковине. Его вырвало.

- Извините, молодой человек... Все по сценарию. Первая – колом. Ничего, вторая уляжется.

Теперь он наполнил уже три стакана и один пододвинул мне.

- Ну, за здоровычко...

В этот раз игристый напиток прошел нормально и, судя по всему, достиг цели. А после следующей порции глаза Липатова заметно повеселели, Володя же оставался невозмутим.

Нервно зазвонил телефон.

- Межгород... Ирка, жена. И знаете, что она будет говорить? «Виленька, я тебя прошу только об одном: ты можешь пить, но, пожалуйста, не опохмеляйся...»

И снял трубку.

И стал другим человеком.

Даром такого мгновенного преобразования обладают только артисты. Секунду назад рядом с нами был дружески циничный свой парень, сорокадвухлетний разгильдяй, несколько бравирующий этим своим разгильдяйством, не стесняющийся, а даже как бы гордящийся утренней нечистотой организма после долгой ночной попойки. Теперь же мы увидели безукоризненно любящего мужа, отца семейства, хозяина дома, повелителя женщин и покровителя детей - словом, идеального мужика, каковым он должен быть в видении добропорядочной жены.

- Конечно, конечно, само собой разумеется, – говорил он. – Да, солнышко, вчера посидели немножко с Борькой Бережковым. А сейчас какая, к шутам, похмелка? Ты меня уже на пороге поймала. Тороплюсь на встречу с молодыми дарованиями... Посланец уже копытом бьет ...

Тут он подмигнул мне, а Володе показал рукой: наливай, мол. Еще минут несколько говорил о чем-то семейном, успев в процессе беседы аккуратно принять стакан. А глаза смеялись.

Чего-чего, а пить он любил. Знал в этом и толк, и пагубу. Маленькая его повесть «Серая мышь», рисующая один-единственный день компании сельских алкашей, достойна войти в антологию абстинентной литературы. Куда там Джеку Лондону с его нудным «Джоном Ячменное Зерно»! Написать такое мог только человек, на собственной шкуре познавший глубины падения.

В юные годы жил он в Томске по переулку Пионерскому - есть такой транспортный зигзаг, по которому трамвай от площади Батенькова выныривает к мосту через Ушайку. Так вот, на самой этой остановке был подвальчик, в котором давали на разлив (или на розлив, это уж как вам больше понравится) дешевую водку или еще более доступную бормотуху.

Существенный момент, друзья мои! Топография имеет роль и играет значение.

В доме не было никакого отопления, кроме печного, печи же топились почему-то не дровами, но углем. Сидит угрюмый Липатов за кухонным столом, пишет что-то, макая ручку в чернильницу. Зябко.

- Виленька, – просит молодая жена, – ты не сбегал бы за угольком?

- Конечно, – отвечает герой, неохотно набрасывает ватник, берет ведро и бредет в сараюшку.

И тут же преображается. Стремительно нагребя ведро угля, он мчится, но не домой, как вы могли бы подумать, а за двести метров, в тот самый заветный подвальныйчик, где, как обычно, стоит очередь граждан, истомленных жаждою.

- Мужики, пропустите, – взывает Липатов, – сами видите...

Народ у нас к таким делам чуток и отзывчив: угольное ведро в руке – лучшая иллюстрация человеческого положения. Очередь расступается, и буфетчица Клава выдает клиенту стакан водки.

Обратный забег – и обратное преобразование. Липатов вяло входит в дом, засыпает уголь в печку, садится за стол, берет перо... Пару часов спустя ситуация повторяется. Жена начинает подозрительно обонять:

- Кажется, кто-то выпил?

(Пустькая деталь: ту жену звали не Ирка. Ирина Вадимовна – вторая официальная спутница жизни, дочь писателя Кожевникова, тоже томского происхождения «из ленинцев», в те годы – главного редактора журнала «Знамя». Мир тесен, дамы и господа, мир тесен...)

Разумеется, пил Липатов не только украдкой и скачками. Бывало, гулял широко и публично.

Было их трое, неразлучных друзей-собутыльников, журналистов газеты «Красное знамя»: Борис Бережков, Борис Ярин и Виль Липатов. Поколение 1925-1927 годов рождения, потенциальные смертники второй мировой войны, чудом не попавшие в ее жернова. Липатова не призвали как спецпоселенца именно «из ленинцев» – кулаков-то как раз брали на фронт, Бережков же прослужил в Иркутске, охраняя армейский склад, расположенный в бывшем кафедральном соборе.

(Деталь, не относящаяся к теме, но важная как для меня, так и для покойного Бориса Ростиславовича: на фоне именно этого сооружения был изображен легионер с винтовкой на почтовой марке № 1 Чехословацкой Республики, 1918 год. Как известно, мы чехам отомстили ровно через пятьдесят лет.)

Еще к этой троице примыкал Володя Коган, так что получалась натуральная банда четырех. Вот их-то всех, веселых, талантливых, умных, одним приказом выгнал из «Красного знамени» редактор Владимир Кузьмичев – не за ум выгнал, не за таланты, а за неумеренное как раз веселье. Иными словами, за пьянку.

Сам большой интеллектуал (первый в Советском Союзе социолог печати), сам испытывавший унижения и гонения (и в тюрьмах при Сталине сживал, и в лагерях, и в Томске не по собственной воле оказался), Владимир Александрович Кузьмичев, говорят, от себя отрывал эту четверку, от собственного тела, с болью и кровью. Но, видать, нашкодили ребята несколько больше положенного...

Как же сложились судьбы изгнанников? Ярин бросил пить, зато начал ширяться (наркомания в те времена была делом редким), потом каким-то чудом вылечился и работал на телевидении. Бережков ушел в многотиражку «Лес – стройкам!» (о боже, какая только херня не становилась названиями газет ...), чтобы лет через сколько-то вернуться в то же «Знамя», где прослыл королем репортажа. Коган, вдохновившись, видимо, биографией гонителя, подался в его науку, в конкретную социологию, в итоге стал доктором философских наук, профессором и завкафедрой Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта в чине генерал-директора тяги. (Элемент сюрреализма? Возможно... Но чему можно удивляться в социалистической действительности, где порою самое невозможное становилось неизбежным?)

К чему пришел Виль Липатов, мы знаем. Но прежде чем куда-то прийти, нужно что-то пройти. И путь этот, как правило, редко бывает прост.

Липатов, опять как в ссылке, уехал в неприятный районный городишко Асино. Служил в газете «Причулымская правда», пил и дебоширил заметно меньше, чем в Томске. Прослыл тут мастером очерка. Правда, писал портреты современников довольно просто: дозвонившись по телефону до какого-то отдаленного лесопункта, выспрашивал характеристики местного передовика, а потом часа за два охудожествлявал его образ до полной неузнаваемости. Оттого журналиста Липатова уважали и побаивались. Созданные им персонажи иногда приезжали познакомиться, угостить стерлядкой и попить водочки, чтобы потом навсегда гордиться общением с таким человеком. Словом, обрёл статус, достойный сравнения с местечковым парикмахером или ретушёром фотоателье.

К тому времени стали наконец-то публиковаться в московских журналах его рассказы, вышла первая книжка. Работал, надо сказать, он как проклятый, писал так же истово, как и пил. Одно другому не мешало; догадываюсь, что ему, как и Эрнсту Теодору Амадею Гофману, алкоголь был необходим ради возбуждения творческих способностей. Сравнение с Гофманом почти случайно, поскольку изобразительные средства двух писателей были слишком разными, равно как и объекты внимания. Однако было бы огромной ошибкой считать Липатова сугубым реалистом, тем более социалистическим реалистом: акварельность его письма, а также смещенная перспектива свидетельствуют об обратном...

В соцреалисты он угодил позже, на последнем этапе работы.

Освоившись в Москве, заматерев и забронзовев, уважать себя заставив, Виль Владимирович взялся за монументальные полотна. «Сказание о директоре Прончатове», «Игорь Саввович», а особенно сага «И это все о нем...» – вещи искусственные и претенциозные. Он писал как надо, что само по себе неприлично. Мало того! Томичам было особенно неприятно узнавать в отрицательных персонажах романов конкретных людей, названных к тому же их подлинными именами. Олимпиец Липатов небрежно мстил всем, кто когда-то как-то его обидел...

Порой этот приём веселил и ошарашивал. Иной раз выглядел до того мелочно, что обидно становилось за автора. Довольно странно, поскольку по сути своей человек-то он был широкий.

Что ж, столичные нравы корректируют любую личность.

Я пару раз бывал у него в Москве, пользуясь случайным расположением, возникшим при первой встрече. Он искренне радовался случайному, в общем-то, знакомому, был неподдельно радушен, приязнь не инсценировал, думаю, ему импонировали и дух землячества, и глупая моя молодость, чем-то напоминавшая ему собственную юность.

Сейчас я уже пережил Липатова. Он умер в пятьдесят два, надорвав себя.

Если вам кажется, что я как-то принижаю образ покойного, то зря кажется. Рассказываю то, что видел.

В конце концов, весь мой цикл называется «И это всё о нас...» Вам это ничего не напоминает?

Виктор ЛОЙША